

Однако сейчас, глядя в мутные, повидавшие жизнь глаза Лян Суна, Тан Шэнь почувствовал, что некоторые перемены были не просто физиологическими. Эти глаза, познавшие немало невзгод, таили в себе нечто невысказанное. Сейчас он еще не мог этого понять, но знал: каждое слово, произнесенное стариком, сказано ради его же блага.

Лян Сун пристально посмотрел на своего последнего и единственного в жизни ученика и произнес:

— Человеческая душа непредсказуема. Когда ты в зените славы, то можешь хоть с мечом наголо разгуливать по рынку, вести себя дерзко и высокомерно — никто и слова не скажет. Но стоит тебе оступиться, как каждое твое слово, каждый поступок обернут против тебя в качестве улики. Запомни: нельзя слепо доверять кому бы то ни было. Благородный муж отличается от подлеца лишь одним помыслом. И пока этого не случилось, Тан Шэнь, ты должен беречь свою безупречную чистоту и не давать никому поводов для наветов.

— Я, твой учитель, знаю: даже если бы главным экзаменатором был не Цзя Ляншэн, ты все равно занял бы первое место. Твое сочинение написано великолепно, это лучшая твоя работа за последние месяцы. Однако если в будущем кто-то захочет тебя очернить, одной лишь фразы «Я не верю этому» хватит, чтобы нанести тебе смертельный удар. Твои слова вырвут из контекста и преподнесут государю в искаженном виде — такова чиновничья среда.

— Я знаю, что ты никогда не любил Государственные экзамены.

Тан Шэнь опешил и попытался возразить:

— Учитель, вовсе нет.

— В этом кабинете только мы двое, учитель и ученик, к чему лукавить? Да и что с того? В Поднебесной полно ученых мужей, которые терпеть не могут Государственные экзамены. Ты тут не одинок.

Тан Шэнь промолчал.

В будущем Государственные экзамены и навязанное ими восьмичленное сочинение клеймили как феодальные пережитки, лишённые всякого смысла. Тан Шэнь и впрямь их недолюбливал. Да и кто в его прежнем мире стал бы восторгаться подобным? Но он переродился здесь, и у него просто не оставалось иного выбора, кроме как сдавать их.

Лян Сун продолжил:

— И все же Государственные экзамены — единственный путь для ученого мужа. Я не требую от тебя стать лучшим на императорском экзамене и получить звание чжуаньюаня. Один такой ученик у меня уже был. Девятнадцать лет назад он погиб на крепостной стене города Чжочжоу, пронзенный стрелами киданей. Шэнь-эр, ты от природы умен, но в тебе нет стремления вершить судьбы Поднебесной. И это неплохо. Однако Государственные экзамены — это тоже чиновничья среда. Раз уж ты вступил на эту стезю и вошел в чиновничью среду, я требую от тебя придерживаться Чжун юна. Пусть ты не займешь первое место, но сохранить жизнь и уцелеть в этом мире — вот что важнее всего.

Тан Шэнь понял, что имел в виду Лян Сун. Все-таки он не был уроженцем этой эпохи и прожил здесь меньше года. Когда он писал то восьмичленное сочинение с фразой «Я не верю этому», то думал лишь о том, что экзаменатор может не согласиться с его мнением — то есть, выражаясь языком будущего, счесть, что он отклонился от темы. Он и подумать не мог, что

кто-то может воспользоваться этим, чтобы оклеветать его.

Чиновничья среда подобна полю боя, а порой она даже более жестока и хладнокровна.

— Ученик все понял, — ответил Тан Шэнь. — Впредь, прежде чем братья за кисть или говорить, я буду трижды думать.

— Это твоё сочинение я припрятал подальше, — сказал Лян Сун. — Уверен ли ты в своих силах на экзамене в управе, который состоится через два месяца?

— Да?.. — неуверенно произнес Тан Шэнь.

— М-м?

— Уверен!

Лян Сун улыбнулся.

Вдвоем в кабинете они еще раз внимательно просмотрели экзаменационную работу Тан Шэня. Лян Сун указал на несколько мест, которые стоило исправить. С наступлением темноты Тан Шэнь поужинал в Поместье Лян, но, когда собрался домой, у самых ворот столкнулся с прохожим.

Заметив друг друга, оба замерли в изумлении.

Тан Шэнь сложил ладони в приветственном жесте:

— Сюй Хуэй, сколько зим, сколько лет.

Перед ним стоял именно Сюй Хуэй, чьим вторым именем было Сюй Учжи.

Впервые Тан Шэнь встретился с Сюй Хуэем в чайной лавке за пределами деревни Чжаоцзя, а во второй раз — в доме Учителя Цзэна, и та встреча вышла довольно натянутой. С тех пор прошло больше полугода. Сюй Хуэй пристально посмотрел на Тан Шэня и тоже сложил руки в приветствии:

— Давно не виделись. Поздравляю с первым местом в списке сдавших уездный экзамен.

— Сюй Хуэй, ты шутишь надо мной.

— Ты ученик Великого ученого Ляна, так что можешь звать меня просто Учжи.

— Учжи.

После этого обмена любезностями напряжение между ними спало. Тан Шэнь спросил:

— Ты выглядишь так, будто очень спешишь, да и в последние дни тебя не было видно. Был занят делами?

Сюй Хуэй кивнул:

— Я только что вернулся из Цзиньлина, выполнял некоторые поручения Великого ученого Ляна.

Подумав немного, он достал из рукава кисть из кроличьего ворса:

— Купил в лавке «Усинь» в управе Цзиньлин, когда проходил мимо пару дней назад. Прими это как подарок в честь твоего успеха на экзамене.

Тан Шэнь принял подарок:

— Благодарю, Учжи.

На этом они распрощались.

Когда Тан Шэнь вернулся домой, Тётушка Яо уже приготовила полный стол вкусных блюд и пригласила в гости семью Счетовода Линя. Все шумно и весело отпраздновали его успех.

Тан Хуан и Яо Сань радовались так бурно, будто сами заняли первое место на экзамене.

Однако после наставлений Лян Суна пыл Тан Шэня уже поугас. Он сказал:

— Это всего лишь первое место на уездном экзамене, твой брат еще даже не стал суйцаем. Вот когда получу это звание, тогда и будем праздновать.

— И вовсе нет! Мой брат в любом случае самый лучший, — возразила Тан Хуан. — Брат Яо, тебя не было сегодня днем, ты бы только видел лицо этого Тан Юня, когда он приходил извиняться! Оно было таким, словно он только что наелся навоза! Уходя, он выглядел совершенно растерянным, будто никак не мог взять в толк, как это брат умудрился занять первое место. Я чуть со смеху не лопнула!

Яо Сань подхватил:

— И что тут удивительного? По-моему, нашему молодому хозяину и экзамен на звание цзюйжэня будет раз плюнуть!

«Хоть я и сам так считаю, но нужно быть скромнее, скромнее», — подумал Тан Шэнь.

Он кашлянул:

— Давайте есть, берите палочки.

Академия Цзыян все же была главным учебным заведением управы Гусу, поэтому из четырех ее учеников, сдававших уездный экзамен, провалился лишь один. Сунь Юэ тоже сдал экзамен, однако спокойствия ему это не прибавило — он по-прежнему дрожал от страха. Едва придя утром в академию, он схватил Тан Шэня за рукав:

— Тан Шэнь, ты ведь ученик Великого ученого Ляна! Неужели он не поделился с тобой какими-нибудь секретными приемами для сдачи? Мы же лучшие друзья, если у тебя есть что-то полезное, не забудь обо мне!

Тан Шэнь со смехом отругал его:

— Будь у меня такая штука, зачем бы я вообще учился? Спал бы целыми днями дома, а на экзаменах просто пользовался шпаргалками!

Сунь Юэ тут же сник:

— До экзамена в управе осталось всего два месяца. Что мне делать, если я не смогу стать суюцаем!

Тан Шэнь поманил его пальцем:

— Могу подсказать один способ.

Глаза Сунь Юэ радостно блеснули, и он тут же наклонился поближе, наострив уши.

— Если провалишься, сними рубаху, взвали на спину связку колючих розг и иди к матушке. В древности великий полководец Лянь По пришел с повинной, неся на спине лозу, а в наши дни Сунь Юэ явится вымалывать прощение у матери. Госпожа Сунь наверняка сжалится над тобой.

— ...

— Ну погоди, Тан Шэнь, сейчас ты у меня получишь!

— Ха-ха-ха!

Спустя какое-то время они помирились и, как ни в чем не бывало, отправились к воротам академии покупать большие мясные баоцзы.

Два месяца пролетели незаметно. Наступил теплый апрель, и множество учеников, сдавших уездный экзамен, поспешили на экзамен в управе. В этот раз среди сдающих были не только те, кто прошел отбор в этом году, но и все те, кто сдал уездный экзамен в прошлые годы, но провалил испытание в управе. Среди них Тан Шэнь приметил Тан Юня. Они переглянулись издали, и Тан Юнь с унылым видом сложил руки в приветствии.

Войдя на территорию экзаменационных дворов, Тан Шэнь и еще девять человек под завистливыми взглядами Сунь Юэ и Тан Юня прошли в отдельное помещение для особого испытания.

Держа в руках экзаменационные листы, Тан Шэнь чувствовал прилив бодрости. Он сделал глубокий вдох.

«Ах, какой чудесный воздух!»

Вот это он понимал — настоящий экзамен. В следующий раз нужно обязательно снова войти в десятку лучших!

Он развернул листы: перед ним по-прежнему лежали темы для двух сочинений-багу и одного стихотворения.

Первая тема гласила: «Благородный муж чтит достойных и любит близких». Цитата была взята из третьей главы комментариев к «Дасюэ». В оригинале фраза звучала так: «Благородный муж чтит достойных за их добродетель и любит близких, подлец же любит близких и ищет выгоду в том, что приносит пользу; потому и помнят о них даже после их смерти». Смысл заключался в том, что мудрый правитель обладает высокими моральными качествами, проявляет заботу о народе и своих родственниках. Правители последующих поколений, видя человеколюбие предшественников, будут подражать им, приумножая их добродетель и любовь к ближним. Благодаря этому и простой люд сможет вкушать плоды их благодеяний, обрести счастье и достаток.

Эта фраза описывала идеальное общество, где пример правителя вдохновляет подданных, ведя государство к процветанию и миру.

Требую от Тан Шэня осторожности в словах и поступках, Лян Сун не пытался подавить его живое воображение или ограничить широту его мышления — он лишь призывал действовать обдуманно. Немного поразмыслив, Тан Шэнь перебрал в уме множество вариантов толкования и наконец занес на бумагу вступительную фразу: «Опираясь на благочестивые деяния предков ради вечного счастья грядущих поколений, благородный муж чтит достойных и любит близких, и даже девятиярусную башню не так-то просто разрушить». Раскрыв тему, он принялся уверенно и размашисто писать основную часть.

Вторая тема оказалась сложнее. Это было составное задание, составленное из двух несвязанных отрывков: «Что касается управления государством, благоприятно быть гостем у правителя». Первая часть фразы была взята из книги «Мэн-цзы», глава «Лян Хуэй-ван», а вторая — из гексаграммы «Гуань» в «Чжоу и». Тан Шэнь долго размышлял, прежде чем занести кисть над бумагой.

Закончив оба сочинения и стихотворение, Тан Шэнь окинул взглядом остальных девяти кандидатов в комнате. Он сделал глубокий вдох и с облегчением выдохнул.

Какая легкость!

Тщательно проверив работу на предмет ошибок и опечаток, Тан Шэнь сдал свитки и стал дожидаться, пока освободятся остальные девять человек, чтобы вместе покинуть экзаменационный двор.

Тан Хуан и Яо Сань, увидев его, тут же бросились навстречу. Девочка робко спросила:

— Брат, ну как все прошло?

Тан Шэнь приподнял брови и с улыбкой ответил:

— Твоему брату все по плечу. Твой брат намерен снова войти в десятку лучших!

Лицо Тан Хуан озарилось счастливой улыбкой.

<http://bllate.org/book/18292/1754447>